

Галина ШЕЙНИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихи © Галина Шейнина

Рисунок на обложке © Марат Баскаев

Графическое оформление © Галина Блейх

Галина ШЕЙНИНА

СТИХОТВОРЕНИЯ

Иерусалим
2016

Содержание

ИЗ ЦИКЛА «РОССИЯ».....	5
Какая чуткая земля!.....	6
Осень.....	7
Жизнь моя, правда ль приснилась ты мне?.....	8
В приоткрытое окно.....	9
Осенний сон.....	10
Вербы.....	11
 ИЗ ЦИКЛА «ПОТЕРЯЙ И НАЙДИ».....	13
Еще не осень.....	14
Л. Д.	15
Как я рада – ты жив!.....	16
Фотография дочери.....	17
На смерть Натальи.....	18
 КОНЕЦ ВЕКА.....	19
Убогие будни.....	20
Цветы.....	22
Убиенной Инне.....	23
Иосифу Бродскому.....	24
Конец империи.....	25
Ну надо же – преклонные года!.....	26
Звонок.....	27
Пейзаж.....	28
Детство.....	29
Разлюбить перед смертью?.....	30
Конец века.....	31
Пожарище.....	32
 ДРУГАЯ ЖИЗНЬ.....	33
Над Масличной Горой.....	34
Аистенок.....	35
Другая жизнь.....	36
Февральские хоку.....	37
Майские хоку.....	38
Кричит муэдзин.....	39
Из этой страны, где все говорят на иврите.....	40
Покой.....	41
 ИЗ У. Х. ОДЕНА (переводы).....	43
Блюз беженцев.....	44
На смерть У. Б. Йейтса.....	47
Август 1968 (Из У. Х. Одена).....	48

ИЗ ЦИКЛА
"РОССИЯ"

* * *

Какая чуткая земля!
Пригрело солнце еле-еле,
И оголенные поля
По кромкам робко зажелтели.

Лениво льнет к земле огонь,
На волю пущенный небрежно,
И, словно утомленный конь,
Траву пощипывает нежно.

О, этот подгорелый торф!
Костры, приникшие к низинке!
И вдруг – среди сухих кустов
Сморчок, как птенчик, на тропинке.

О, этот тюлевый туман,
Клочками падающий в поле,
И день, неверный как обман,
Как сон, приснившийся в неволе!

Так надвигается весна –
Медлительно и боязливо.
Но все ж – она! Смотри – она!
Не плачь. Мы выжили. Мы живы.

Осень

Осеннее роскошество цветов!
Какой ополоумевший художник
Выдумывал тебя в последней муке,
В часы, когда случайно вспыхнет разум
И кисти не прикажет ничего,
Лишь только: ярче! Ярче! Ярче! Ярче!
Рябину – кровью! Золотом – березу!
Лихим кармином – тихую осину!
А клены – от лимона до малины
Все клавиши палитры пролистав!

Зато потом сильней опустошенье...
Как после буйных подвигов любви
Нас настигает разочарованье,
Так мутная предзимняя пора
Охватит нас туманностью белесой.
Где всё? Где мы? Где свет? Где четкость линий?
Расплывчаты унылые черты
Разбухших и простуженных деревьев,
Расхлябаны гнилые тротуары,
И сумрачные будни Петербурга
Окрашены в лиловые тона.

Но если спросят: «Хочешь ли вернуться
К октябрьскому неистовству цветов?» –
Отвечу: нет, мне только белизна,
Одна лишь белизна необходима,
Когда, всю бледность неба отразив,
Спокойная и чистая, как разум,
Она освободит и охладит
И пристальному зрителю откроет
Все семь цветов, все тысячи оттенков.

* * *

*Жизнь моя, иль ты приснилась мне?
С. Есенин*

*Все перепуталось, и сладко повторять:
Россия, Лета, Лорелая.
О. Мандельштам*

Жизнь моя, правда ль приснилась ты мне?
В самом ли деле?
Что это? Блики в вечернем окне?
Годы? Недели?

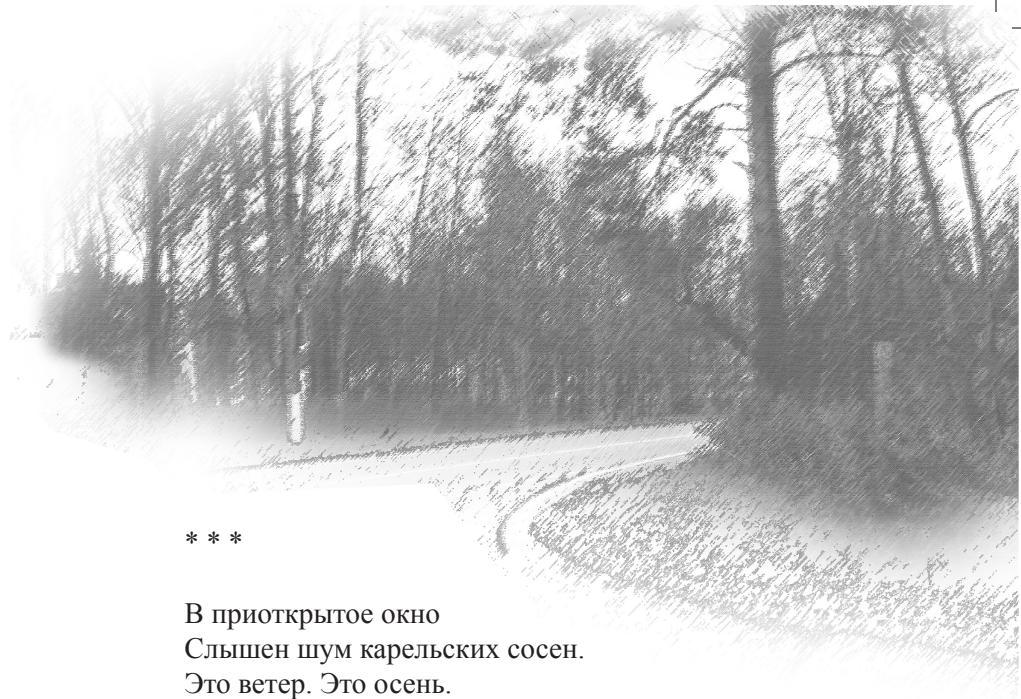
Яркого снега скрипящая гладь,
Белые ночки –
Все перепуталось... Что ж повторять
Старые строчки?

Слов ли своих не могу я найти?
Взяться за дело?
Кто-то лохматый стоит на пути,
Ставит пределы:

«Знай, мол, шесток свой, еврейский сверчок!
Пой осторожней!
Кто твой читатель? Седой стариочек,
Твой соострожник!»

Может, язык изменил мне родной?
Кажет мне спину?
Родина, ты ли гудишь подо мной?
Или чужбина?
Крикнуть в лицо ей, набрякшее сном:
«С вами, свои мы!»
Глухо Россия стоит за окном.
Неколебимо.

1982

* * *

В приоткрытое окно
Сышен шум карельских сосен.
Это ветер. Это осень.
Это было так давно.

На веранде за стеклом
Листья клена, гроздь рябины,
Да забытые корзины
Под простуженным столом.

А когда выходишь в сад –
Дождь долдонит, воют вербы,
Словно взбалмошные ведьмы,
Словно здесь не сад, а ад.

А когда метешь крыльцо,
Дверь откроешь ненароком –
Прянет супом и укропом
В охлажденное лицо.

За окном уже темно.
Дождь попрежнему несносен.
Это ветер. Это осень.
Это было так давно.

Осенний сон

Ю. Шаркову

Ах, осень! Стынь, и снегири, и сани,
Пустынные поля с пожухшими кустами
И стон сосны – дождемся ли весны?
Синица тенькает, и лыжи у стены,
В сенях клубится пар, и пахнет псиной,
И снится синий снег, весна, осины...
Россия, снишься ты. Благословенны сны.
Друзья мои, октябрь в Иерусалиме –
Карикатура русских жарких лет.
За окнами в желтеющей пустыне
Палящий зной, слепящий свет.
Дождемся ли дождя? Дождей на свете нет.
Они остались там, в потустороннем мире –
В Москве, Самаре, Северной Пальмире.

1995

Вербы

Почему я люблю тебя, битую, мятую,
Непролазно нелепую, вечно поддатую,

Всю заросшую зеленью, былью да небылью?
Неужели за вербы? Подумаешь, невидаль.

Неужели за шпиль, исчезающий в мороси?
Почему же до дрожки в осекшемся голосе?

По рукам – по ногам я тобою опутана.
Отпусти меня с Богом, смурная, беспутная.

Что тебе до меня, неродная, неласковая?
Оставайся с Сибирью, с могилами братскими.

У меня есть своя, что от Бога завещана,
Вся увешана солнцем, как золотом женщина.

Отпусти меня к ней – доживать и забыться.
Я вернусь после смерти - за водой из копытца.

1999

ИЗ ЦИКЛА
"ПОТЕРЯЙ
И НАЙДИ"

* * *

Л. Друскину

Еще не осень. Но гляди –
Нет-нет да вспыхнет лист осины,
Мазнет по сердцу гроздь рябины,
Оставив ссадину в груди.

Еще не старость. Отчего ж
В предзимнем страхе горло стынет?
Зачем невиннейшей рябине
Царапать сердце словно нож?

И правда это или ложь,
Что наша тихая осина
Две тыщи лет унять бессильна
Предательства лихую дрожь?

Догадка это или быль,
Что в полыхании рябины
На миг увидела Марина
Елабужской дороги пыль?

Зачем на раны сыпать соль?
Зачем лукавая природа
Сулит прохладу и свободу,
А дарит зрение и боль?

1982

Лев Друскин (1921 – 1990) – ленинградский поэт, с детства прикованный к постели тяжелой болезнью. В 1980 году подвергся преследованиям КГБ и был вынужден эмигрировать в Германию.

Л.Д.

Тогда мы жили в лучшем из миров,
Средь каменных и говорящих сфинксов,
Тогда мы были однопланетяне,
Со-узники, со-жители по даче,
Единоверцы, со-владельцы пса,
Почти со-авторы венка сонетов,
В том городе, где львы, мосты, решетки,
Где ночи белые, а дни черны...
Мы жили – просто два старинных друга,
Теперь мы две стареющие птицы,
Поющие на русском языке.
Нас рассадили через три границы,
Но голос твой сумел ко мне пробиться
Без багажа, без визы, налегке.

1983

* * *

Pane

Как я рада – ты жив! Ненадолго – а все-таки здесь,
Неизвестен твой срок, значит ты, как и прежде, бессмертен.
Еще прячется птица с тяжелым мохнатым крылом,
И ты ходишь по городу, словно слепой – напролом.

Не ходи – ненароком на голову грянет кирпич,
Твои старые ноги откажут – и ринутся автомашины.
Ты сиди и пиши. Я прошу – ты сиди и пиши,
От опасностей спрячься, как в вате, в квартирной тиши.

Нет, не надо сидеть! От сидения сердце замрет,
Это все ни при чем, это все никуда не годится.
...Вразуми меня, Господи, присно, вовеки и днесь –
Как мне быть? Как же мне удержать его здесь?

Вот когда оказались Надежда и Вера нужны!
Вот когда догадалась и я – уповать и молиться –
Когда глазом зеленым глядит из-за белой стены
Осторожная, старая, хищная, умная птица.

1982

*Фотография дочери,
потерянная и найденная через много лет*

Я гляжу на тебя –
Детской пухлости нежный овал
Соревнуется с женской
Страдательной, дательной статью...
Как мне внятен теперь
Твой младенческий вещий сигнал,
Что тринадцати лет
Ты мучительно тщилась подать мне!

Я гляжу на тебя,
Ты с улыбкой глядишь на грибы...
Где мне знать,
Упоенной своею блистательной мутью,
Что богатых даров
Ты не примешь от льстивой судьбы,
Только ПРЕДАННОСТЬ выбрав
Своей сокровенною сутью.

Апрель 1983

На смерть Натальи

Полузабытая детская явь,
Вздутые шторы балкона...
Как же к тебе теперь? Разве что вплавь –
Не докричаться Харона.

Детская ревность, смешные дела,
Глупые, злые девчонки...
Я победила, а ты – умерла.
Кончились страшные гонки.

Только напрасны победы мои –
Счеты не сведены эти:
Мчатся за мной несвершенья твои
И нерожденные дети.

Есть ли надежда? Простишь ли? Уйдешь?
Или в последней обиде сомнешь
Грозные мертвые брови?

...Что ты стоишь в изголовье?!

Апрель 1984

КОНЕЦ
ВЕКА

* * *

Убогие будни,
Не в вас ли, не в вас ли
Великие души
Как в гипсе увязли?

Нет, это не в вас,
Это в праздниках буйных,
Как викинги, грабящих
Мирные будни.

Хвала ежедневной
Привычной мороке,
Глотающей дни,
Коротающей сроки!

В ней, как светляки,
Темноты не нарушив,
Горят одиноко
Великие души.

Будильник, работа,
Трамваи, болезни...
Казалось бы – нет
Суеты бесполезней.

Куда же бегут
Ручейки и потоки?
В великие души,
В высокие строки.

Когда-нибудь грянет
Последний звоночек,
И мы оробеем
В преддверии ночи.

Но души из тел,
Как из тюрем, взовьются
И дождиком теплым
На землю прольются.

Цветы

Дети уходят из дома,
Уезжают навек заграницу,
Мужья находят жен помоложе,
Умирают родители, взрослеют внуки...
И становится чисто-чисто и тихо-тихо,
Только звонки и звуки
Раздаются гулко-прегулко.

И тогда у тебя на стенах и окнах
Расцветают цветы – лучше всех
Из всего переулка...

И вот тут
Ты звонишь подруге (или она тебе)
И говоришь: «Ты знаешь,
У меня в декабре
Зацвели бегонии и бальзамин
И все цветут и цветут».

А она (или ты) отвечает,
Что фиалки цветут небывало
И расцветает жасмин.

А фуксии дохнут, а вот герань
Тянется неизвестно куда.
Неужели ей света мало?
Ведь окна на юг. Вот дрянь.

1990

Убийцей Иине

Вдалеке за рекой отдыхает усталый Харон.
Грязной ямою взорван печальный уют похорон.
Липкокрасные ленты плывут на крахмальном снегу.
Я хочу их из памяти выколоть, но – не могу.

Черный ящик, хранящий податливо-хрупкую плоть –
И его еще можно предать, уронить, расколоть.
Опускайте ж скорее! Земле – не забвенью предать.
Будем жить-поживать. Да добра наживать.
Да гостей поджидать.

Декабрь 1995

Иосифу Бродскому

*В сем христианнейшем из миров...
М. Цветаева*

Ты вошел в этот мир без волхвов, без звезды, без предтечи,
Ты причастие принял глагола, союза, наречья,
И за то, что их тратил, грешил и опять причащался,
Ты – картавый еврей – частью речи славянской остался.

Русский северный стих, усмиренный горячим арапом,
Метил чистых-нечистых как карты божественным крапом,
И цыганский надрыв, и немецкая хриплая сила,
И еврейская скорбь – все в нем было, кипело и било.

Африканский ревнивец, шотландский смурной дуэлянтик
И турецкий бастард, самый главный российский романтик –
Все ходили в любовниках русской лирической музы...
Но трехбуквенный ЖИД как МEMENTO на доме Мурузи.

Все МEMENTO – татары, цыгане, корейцы, грузины,
Малороссы и турки, абхазы, киргизы и финны –
Умирая за слово – в петле, на чужбине, в застенках –
Все равно вы ЖИДЫ самых разных мастей и оттенков.

Февраль 1996

Конец империи

Как живописна империя, когда трещит и разваливается!
Раньше отсюда бежали, как от погони зайцы,
Теперь бегут словно крысы, запах тины почуя.
Остались одни евреи – витийствуя и врачая,
Оборотившись акулами пера, капитала, сцены,
Опять позабыв, какую за это заплатят цену.
Сейчас не снимают «дворники», не раздеваются под аркой,
И угнать норовят не «Волгу», а иномарку.
Сейчас здесь в моде бухгалтеры, охранники и банкиры,
Раскольниковы, убивающие старушек в отдельных квартирах.
Жить, говорят, здесь страшно, смотреть, говорят, неприятно...
Но я не хочу обратно.
Ни за что не хочу обратно.

1997

* * *

Ну надо же – преклонные года!
Пора писать о прожитом, о людях,
Прощать обиды, подводить итоги,
С потомками делиться чем-то важным,
Чтоб, не дай Бог, не сгинуть без следа...
След, видишь ли... Какая ерунда!
Нет, мне нужны любовь, страданья, слезы,
Пронзительные стрелы красоты,
Пушистые ребеночки затылки,
Свободное паренье вольной рифмы
И сладкие нелепые мечты.
Я, знай, иду себе своей дорогой,
Единственной, наверное – счастливой.
А годы – как приливы и отливы –
Прибудет что-то, кое-что уйдет.
А след... Давай его оставим Богу
Глядишь – и нам чуть-чуть перепадет.

1996

Звонок

Странный звонок прозвенел на рассвете.
Может, шалили соседские дети?
Я не пошла открывать.
Лень было встать, и куда торопиться?
Этой водицы успеем напиться.
Лучше в подушку плотнее вдавиться
И постараться поспать.

Только к Морфею душа отлетела,
Только блаженно расслабилось тело –
Вновь этот странный звонок.
Выйти зовет из привычного круга –
Скоро, похоже, придется мне туда,
Вот и держусь за подушку с испуга,
Чтоб добудиться не смог.

Впрочем, к чему репетиция эта?
Разве неясно, с какого он света,
Этот проклятый звонок?
Что происходит? Во сне, наяву ли?
Кто там в углу поджидает на стуле?
Надо живей увернуться от пули,
Чтоб пристреляться не смог.

Вспомнила! Надо скорее проснуться,
Чтобы до кнопки звонка дотянуться,
Сделать последний рывок.
Вот она рядом – какая-то малость.
Жизнь дорога, хоть и мало осталось.
Кабы не чертова эта усталость!
Все! Я заткнула звонок.

1996

Пейзаж

Прекрасны черные тела
На фоне белой парусины,
Когда, раздевшись догола,
Туземцы груят апельсины.

Как лаком, покрывает пот
Тугие спины, груди, плечи,
И будоражат пароход
Чужие запахи и речи.

На палубе шикарный люд.
Дыша шанелью и шампанским,
Глазеют, загорают, пьют,
Мешают русский и испанский.

Где блеск? Где нищета? Где жизнь?
Зачем вопросы и ответы?
Живи, за поручни держись,
Вдыхай дымок от сигареты.

1998

Детство

Оттоманка в три подушки,
Шестидневка-календарь,
Конь-качалка, кошка Пушкиа,
Кукла из папье-маше,
А у Натки-вображули –
Хрестоматия, букварь
И кармашек на шнурочке
Под названием «саше».
А у бабушки в бауле
Есть кроше и мулине,
А у дедушки – кашне.

Раскаляется конфорка –
Значит, будем есть блины,
В ванной топится колонка –
Дай головку, вытрем спинку,
А теперь сюда, в простынку –
Жар струится от стены.

После голову обвязут
И перинкою укроют.
Я, конечно, не услышу
Полуночного звонка.
Вещи тихо перероют.
У порога пapa скажет
Только «Дочку берегите» –
Ни «прощайте», ни «пока».

Звук колес издалека.

Май 1999

* * *

Разлюбить перед смертью? Какая печаль!
Уберечь, сохранить – вот сегодня забота.
Собираясь туда, в неизбежную даль,
Обокрасть на ходу дорогого кого-то?

Да, любви не прикажешь – гони ее в дверь,
А она через поры гладить тебя станет.
Попила моей кровушки... Что же теперь
Опадает, уходит и больше не ранит?

Все слабей ее ток в тепловатой крови.
Пусть возьмет заодно и сестру свою жалость,
Потому что она похитрее любви –
Попросилась под сердце, да там и осталась.

1999

Конец века

Бегу, спотыкаясь, к концу с веком вперегонки.
Оба они мои – век собственный и двадцатый.
Печалиться – не к лицу, радоваться – не с руки.
Папа, и мне довелось сойтись с кометой хвостатой.

По вечерам над домами взметнув зеленые крылья,
Царственная, дразнила – любуйтесь, пока не поздно.
А всего-то была она пылью, поверишь ли, пылью.
Слава Богу, не лагерной – звездной, поверишь ли, звездной.

Папа, нам повезло – не сгорели в печах Треблинки,
Из тюрем вышли живые и даже кругом оправданные,
Подонки уже не посмеют прийти на наши поминки,
Наши потомки возделывают Землю Обетованную.

Печалиться – не к лицу, радоваться – не с руки.
– Как это? – скажешь ты, – жива – и уже спасибо.
А все-таки жалко века: боюсь, всему вопреки,
На той стороне реки будет не так красиво.

1997

Пожарщиे

Они стояли, обнявшись,
У старой синагоги.
Мелькала, догоная, жизнь
И замерзали ноги.

Он долго ей перебирал
Костяшки хрупкой кисти,
А сам взлетал и умирал
Под звон дерев и листвьев.

Она, дрожа и чуть дыша,
Унять пытала слезы.
И мерзли ноги, но душа
Как в дом вошла с мороза.

Близки и страшно далеки
Стояли погорельцы.
Синея, тлели угольки –
Ладони, губы, сердце.

Январь 2000

ДРУГАЯ
ЖИЗНЬ

* * *

Над Масличной Горой
Журавли пролетели,
Направляясь на юг
Из России в Египет.
Ты лежишь в своей жесткой
Глубокой постели,
На груди твоей
Мраморный параллепипед.

На тебе отдыхает
Перелетная птица.
Слышишь? Ей хорошо:
Одиноко и сладко.
Где твой дом, журавлиха?
И что тебе снится?
Не ответит, не глянет –
Такая повадка.

Это странное место,
Сестра моя птица:
Выше – русская церковь,
Ниже – купол Омара.
Надо было, наверно,
В России родиться,
Чтобы здесь почивать
В ожиданья шофара.

Камни, белые камни –
Ни травы, ни цветочка;
Мимо птицы летят –
Запятые да точки.
И парит над Кедроном
Под малиновым звоном
То ли центр Вселенной,
То ли мертвая зона.

Aистенок

Младенец с седой головой,
Беспомощный, милый и тихий,
Пригрелся как птенчик слепой
Под теплым крылом аистихи.

А ей, простоте, невдомек,
С чего это аист свободный
С ней в небо подняться не смог,
Чтоб север покинуть холодный.

На крыльях его пронесла
И на землю с ним опустилась,
Забыла, что птицей была,
И в скорбную мать превратилась.

К ее припадая груди,
Он делался меньше, светлее
И вдруг прошептал: «Отойди,
Чтоб мне отойти поскорее».

Другая жизнь

Я живу на горе
Над цветущей пустыней,
Где песчаная дымка
Дрожит при хамсине,
А поодаль чернеют
Бедуинские тенты –
Вот какие бывают
В этой жизни моменты.

Изменяется все –
И пейзаж, и заботы,
Расставляются заново
Приоритеты.
Ускользнувшее слово,
Позабытая нота
Превращаются в что-то
Когда-то и где-то.

На ноябрьском небе
Ни дымки, ни тучки...
Я по вади хожу,
Собираю колючки.
По обочинам туф,
Роговая обманка.
Я и там иностранка,
И здесь иностранка.

Февральские хокку

Вновь догорел февраль,
Ты снова уходишь за солнцем...
И вдруг – зацокал геккон!

Я разорила все,
Я полюса поменяла.
И что же? Клетка пуста.

Как дрозды поют!
Пора вечернего чая,
Но не двинусь с балкона.

Теплый февральский вечер,
Одиночества сладость.
Это ли не счастье?

Пахнет укропом и супом,
Ветер гудит за окном.
Но где же вербы?

Майские хокку

Записная книжка

В строчках уютных
Уснули друзей телефоны.
Твой почерк их стережет.

Сладостный кофе глоток
Опять поутру мне подарен.
Не растратить бы зря.

Отгорели дрова обид,
Дремлют синие угли...
Разгорится ли пламя?

Уж раз ты туда ушел,
Не трогай меня, мой призрак,
Прошли времена Шекспира.

Кричит муэдзин

Кричит муэдзин. На Масличной Горе
Игла колокольни вонзается в плевру...
К чему нам беречь обгорелые нервы?
(Морщинки у глаз, голова в серебре).

Мы лучше поскакем старинной тропой –
Рысак и лошадка – (Как трудно и сладко
В дешевую детскую эту тетрадку
Записывать строчки как мальчик слепой).

Что раньше? Достанет до сердца игла
Иль пара залётных, вся в пене и мыле,
Достигнет вершины в ребяческом пыле
Все выше и выше, все ближе к могиле)?
Какая нам разница – свет или или мгла?
...Дорога на Гору Масличную шла.

* * *

Из этой страны, где все говорят на иврите,
Древнем, уличном, непонятном
Хочется, что вы там ни говорите,
Вернуться обратно

В ту уютную пьянь, где то пусто, то слишком густо,
В незабываемый запах снега и дыма,
Где тебя понимает аж продавец капусты.
Но это необратимо.

Что ж, оставайся себе в этом солнечном беспределе,
В этом бессовестном блеске гор, миндаля, пустыни,
Где ты стоишь немая не как-бы, а в самом деле.
Это твой дом отныне.

Покой

Горечь последних дней
В углах улыбки твоей.

Кротость закрытых глаз,
Вздоха тихая весть.
Не покидай нас,
Побудь еще здесь.

Глубже тени лица –
Это знаменья конца.

В сердце не боль, не испуг –
«Удобно ль тебе, мой друг?»:
Слова склоненной жены
Как шелест травы слышны.

Холод лба под рукой.
Какой великий покой
Сошел на тебя и меня
С этого дня.

2008

Из У.Х. Одена
переводы

Блюз беженцев
(На мотив Saint Louis Blues)

Слышь, в этом городе
Десять миллионов душ:
У кого особняк,
А у кого шалаш.
Но для нас там нету места, дорогая,
Нету места для нас.

Когда-то у нас
Была своя страна,
Взгляни на карту –
Она прекрасно видна:
Но туда нам нельзя, дорогая,
Нам туда нельзя.

На сельском погосте
Старый тис растет
И каждый год
Снова он цветет:
Но старый паспорт не тис, дорогая,
Он по-прежнему стар.

Консул хлопнул по столу
И сказал нам в ответ
«Раз нету паспорта,
Значит, самих вас нет».
Но мы все еще живы, дорогая,
Мы все еще есть.

Пошел в комитет,
Там приятный народ,
Там совет мне дали
Вернуться через год:
Но куда пойти сегодня, дорогая,
Куда сегодня пойти?

Пришел на митинг,
А там говорят:
«Если мы их впустим,
Они наш хлеб съедят».
Это они про нас, дорогая,
Они про нас говорят.

Думал, грянул гром,
Рвет небесную твердь,
Но это Гитлер орал:
«Они должны умереть».
Он орал про нас, дорогая,
На всю Европу орал.

Видишь – пудель в жилетке,
Чтобы не простыть,
Видишь. Дверь отворили,
Чтоб котенка впустить
Они ж не немецкие евреи, дорогая,
Не евреи они.

Пошел на причал,
На рыбок глядел:
Они резвились,
А я рядом сидел.
Они ведь свободны, дорогая,
Свободны они.

Бродил по лесу,
На ветках птицы сидят,
У них нет начальства,
Они поют как хотят
Они же не рода людского, дорогая,
Не род людской они.

Мне снился дом,
Там миллион этажей,

Миллионы окон,
Миллионы дверей.
Но ни одно окно не наше, дорогая,
Ни одно окно.

Стоял на поле,
Там снег идет:
Десять тысяч солдат
Ходят взад и вперед.
Они ищут нас, дорогая,
Ищут тебя и меня.

2008

На смерть У. Б. Йейтса

I.
Он растворился в мертвый день зимы:
Затих аэропорт, ручьи замерзли,
И снег обезобразил облик статуй,
Ртуть изливалась в стынущую глотку
В потемках умирающего дня.
Все наши органы согласны были –
День этой смерти был холодный день.

Сквозь лес венчозеленый мчались волки,
Не знающие о его недуге,
И сельской речке были безразличны
Причал нарядный, траурные речи,
Которыми пытались оградить
Стихи поэта от его же смерти.

Но для него то был последний день,
День полный слухов, шопота сиделок;
Районы его тела восставали,
И площади его ума пустели,
В окраины вторглась тишина,
Отказывали чувства, и он сам
К поклонникам своим переселился.

И вот теперь по городам и весям
Рассыпан он и отдан без остатка
Чужим любвям, и счастье он найдет
В других лесах и будет он судим
Законами иного восприятия.
...Слово мертвца
Преображается нутром живущих.

Но среди шума завтрашнего дня,
Когда биржевики ревут как звери,
А бедняки к страданиям привыкли,
И каждый замкнут в собственную клетку,
Но убежден, что он почти свободен,
Немало тысяч будут вспоминать
Тот самый день, когда один из нас
Вдруг поступил немного необычно.

Все наши органы согласны были –
День этой смерти был холодный день.

II.

Ты был как все, но дар твой пережил
Богатых обожательниц, телесный
Распад и самого тебя.
Безумная Ирландия втолкнула
Тебя в стихи, но и сейчас она
По-прежнему безумна и дождлива –

Стихи ведь не меняют ничего,
Им лишь бы выжить в собственной долине,
Куда не сунется предприниматель;
Они текут из ранчо одиночеств,
Из суэты, из мокрых городов,
Где мы живем и верим – ведь стихи
Не действие, а действие. Просто голос.

2008

Август 1968

Людоед поступает как все людоеды,
Он рад Человека на муку обречь,
Но одной не достичь Людоеду победы –
Людоед не способен освоить Речь.

Среди убитых, среди убогих,
Среди развороченных кочек и пней
Он выступает руки в боки,
И тонут слова в потоке слюней.